

Февраль и март в Париже 1848 года

П. В. Анненков. Парижские письма
Серия "Литературные памятники"
Издание подготовила И. Н. Конобеевская
М., "Наука", 1983
[OCR Бычков М. Н.](#)

I

В жизни целых обществ, как и в жизни частных лиц, воспоминание о тех событиях, которые изменили коренные основы их существования, играет, разумеется, весьма значительную роль. С воспоминанием о таких событиях рука об руку идет, для лиц и обществ, целый ряд моральных соображений, нравственных и политических выводов, которые клонятся к тому, чтоб ограничить или ослабить печальное действие исторического факта, если он был неблагоприятен; распространить или усилить его влияние, если он был полезен и благотворен. Этой работе современной мысли, рождаемой воспоминанием, не могут быть чужды и те общества, которые не подпали прямому действию какого-либо повсеместного, европейского события. Собирая известия о нем из чужих рук, сличая их с указаниями очевидцев и занимаясь ими, общества, находящиеся в положении зрителя, учатся законам и причинам, рождающим исторические явления, определенному, неизбежному ходу их при известных условиях и моральному смыслу, который непременно от них отделяется, каковы бы ни были их свойства, сущность и содержание. Все это не может быть выпущено из вида, если только общество чувствует уже потребность мыслящей, разумной и предусмотрительной жизни.

Вероятно, многие с нами согласятся, что корень большей части явлений, замечаемых в современной Франции, кроется в февральских днях ее последней революции. Цепь, связующая нынешний строгий порядок дел, заведенный там, с неожиданностью и случайностью февральского переворота, не нуждается в пояснении и указании. Как ни кажутся различны и противоположны эти два факта, поставленные вместе, но они образуют только крайние точки одной и той же линии, одного и того же исторического промежутка. Совершенно случайное появление французской республики и совершенно неожиданное утверждение империи; полная анархия в умах, ни к чему не приготовленных заранее, и полное подчинение умов одной идее, обсужденной 50 лет тому назад, в начале столетия; какой-то дилетантизм, баловство с междоусобной войной, с шумом улицы и площади -- и нынешняя тишина по всем публичным местам, отданным, сверх частных дел, преимущественно официальным торжествам -- все это так тесно связано между собой, как бывают только связаны в мире причина со следствием. Но откуда следствие у нас, что называется, перед глазами, причина уж довольно далеко отошла назад в прошедшее, нуждается уже в пере публициста и откровенном сказании свидетеля, чтоб не пропасть окончательно из вида и удержать свое место в памяти нового поколения.

Соображения эти навели меня на мысль привести в порядок воспоминания мои о февральских днях 1848 года, который застал меня в Париже неожиданно ¹ и которых я был случайным и почти невольным очевидцем. Труд этот значительно облегчается самым характером парижского переворота 1848 года. Он родился преимущественно на улице, там вырос, там и кончился. Кого он застал или повстречал на мостовой, тот и мог видеть его вполне и ознакомиться с ним со всех сторон. Другие исторические перевороты обыкновенно имеют длинную генеалогию. Нить, которая приводит их в движение и управляет ими, скрывается от глаз в кабинетах главных и, по большей части, невидимых деятелей. Нельзя говорить о таких переворотах, не исследовав предварительно идей и учений, под влиянием которых они созрели. Переворот 1848 года был весь налицо, весь на площади, без остатка. Он произведен единственно улицей: люди, партии, идеи, словом, все попытки дать ему определенный политический оттенок, навязаться ему в отцы и руководители, пришли к нему гораздо позднее. Настоящая история его должна начинаться очень скромно, почти как "дневник замечательных происшествий", как "перечень событий" или как "ведомость о необыкновенных случаях" в городе. Если рассказ о трех февральских днях 1848 (22, 23 и 24) года, пережитых Парижем, захочет быть верным, неподрумяненным отражением действительности, он должен держаться преимущественно, так сказать, мостовой. Правда, и